

Н.В. Халина

Грамматика наблюдения за современной языковой культурой

В процессе восприятия мира Демокрит отводил более значительную роль, чем его предшественники, душевной деятельности, связывая с ней способность группировать отдельные восприятия различных чувств в общие восприятия и отмечать при этом соотношения числа, положения и движения, благодаря которому открывается единство сознания [1]. Вильгельм Дильтей в 1893 г. в работе «Описательная психология» пришел к выводу, что необходима психологическая систематика, в которой уместилась бы вся содержательность душевной жизни. Анализ всей мощной действительности душевной жизни, «столь сложной общественной и исторической действительности может быть произведен лишь тогда, когда эта действительность будет сначала разложена на отдельные целевые системы, из которых она состоит; каждая из этих целевых систем, как хозяйственная жизнь, право, искусство, религия, допускает тогда, благодаря своей однородности, расчленения своего целого. Но это целое в такой системе есть не что иное, как душевная связь в человеческих личностях, в ней взаимодействующих» [2, с. 35]. Душевная связь составляет в предлагаемой концепции подпочвенный слой познания, основание теории которого заключается в живом сознании и описании этой душевной связи. Постигание фактов духовного, исторического и общественного порядка в более или менее расчлененном, выясненном и исследованном виде возможно через переживание подобной связи.

Характеризующие черты душевной связи открываются при установлении необходимой зависимости между интеллектом и восприятием, осуществляемом в сочинении Абельяра «De intellectibus», посвященного рассмотрению отношения слова к идее и той роли, которая принадлежит в развитии идей языку: интеллект познает предмет в моментальном умозрении, чувство входит в комбинирующее его с другими чувствами воображение (*imaginatio*) в виде спутанного представления (*Confusa conceptio*) и остается в воображении, которое может его воспроизводить, разум перерабатывает этот разнообразный материал постепенно (*descursiv*) в понятия и суждения; по

выполнении всех этих условий возникают мнение, вера и знание [3].

Спутанное представление (*Confusa conceptio*) – это та разновидность душевной связи, которая структурирует «мышление серийное», обосновывающее принцип развертывания и движения структур [4]. «Но что собой представляет серийное мышление? Дадим слово Булезу, процитировав его работу, на которую ссылается и Леви-Строс: «Серийность становится формой поливалентного мышления... Это категорическое отвержение классического мышления, желающего, чтобы форма была, с одной стороны, предзадана и в то же время представляла собой общую морфологию. Здесь (в серийном мышлении) вы не найдете предусмотренных ступеней, т.е. общих структур, в которые должна укладываться конкретная мысль; напротив, мысль композитора, применяя определенную методологию, творит нужные ей объекты и организующие их формы всякий раз, как желает выразиться. Классическое тональное мышление существует в завершенном мире, в котором все держится силами притяжения и отталкивания, в то время как серийное мышление, напротив, живет в непрерывно расширяющейся Вселенной».

Именно на такого рода гипотезе искусства, способного к самоориентации, к постоянному выбору, к непрерывному пересмотру устанавливаемых грамматик, и основывается всякая **теория открытого произведения** как в музыке, так и в любом другом виде искусства, при этом теория открытого произведения, по сути дела, является не чем иным, как поэтикой серийного мышления» [4, с. 308]. Серийная техника занята, по мнению Умберто Эко, **творением истории**, созданием новых разновидностей коммуникации, к которым, на наш взгляд, следует отнести и рекламные сообщения.

Специфика рекламы как открытого произведения состоит в том, что в ней формируется особое «силовое поле, косвенно порождающее в уме читателя нужный смысл или нужный образ» [5, с. 146] на основе использования некоторой языковой оперативной модели, рассматриваемой в качестве единственно возможного, согласно концепции У. Эко, спо-

соба сведения к однородному дискурсу живого опыта несходных объектов, и следовательно, некоей логической истины, истины разума, а не факта, некой металингвистической конструкции, позволяющей говорить о различных феноменах как о знаковых системах. Подобная оперативная модель «навязывает воображению невообразимость», используя в качестве строевого элемента открытого произведения поэтический принцип **«параболы»**. Что такое «парабола»? По буквальному значению – «возле-брошенное-слово»: слово, не устремленное к своему предмету, но блуждающее, витающее, описывающее свои круги «возле» него; не навязывающее вещь, а скорее **загадывающее** эту вещь» [5, с. 152], и не столько вещь, а пространство-время, в котором существует эта вещь, систему коммуникативных модальностей и принципы ее реконструкции через систему «языков» (культурно-языковых кодов) в систему кодов мировоззренческих, отождествимых с кодами коммуникативными. Что такое в таком случае «реклама»? Это языковая разгадка (с позиций человечества начала третьего тысячелетия) загадки мироздания через переживание душевной связи, открывающееся через выявление принципа, или оперативной модели, положения и движения смыслов, через *Confusa conceptio* – это одновременно «ключ» к космическому шифру и к скриптуальному шифру, к двум видам «текстов»: к универсуму, читаемому как энигматическая книга, и к «Книге человеческих архетипов» (собранию «центонов» на мотивы душевной жизни человечества, отражающему его «мультилинейную эволюцию» [6]).

Реклама, рассматриваемая как особый культурный тип, описывающий жизнедеятельность человечества в начале XXI в., может быть дифференцирована в качестве культурной таксономии. Культурная таксономия – это система классификаций повторяющихся культурных черт, характеризующих конкретную культуру [7–8]. Мы считаем, что целесообразно в такое понимание системы классификаций внести одно дополнение, связанное с интеллектуальными особенностями протекания адаптационного процесса у человека, обусловленными созерцательным познанием интеллекта [3], которое конструирует область чистой практики порядка и его способов бытия. Последняя, по мнению М. Фуко, присутствует в каждой культуре между использованием упорядочивающих кодов и размышлениями о порядке: «Итак, между уже кодифицированным взглядом на вещи и рефлексивным познанием имеется промежуточная область,

раскрывающая порядок в самой его сути: именно здесь он обнаруживается, в зависимости от культур и эпох, как непрерывный и постепенный или как раздробленный и дискретный, связанный с пространством или же в каждое мгновение образуемый напором времени, подобный таблице переменных или определяемый посредством изолированных гомогенных систем, составленный из сходств, нарастающих постепенно или же распространяющихся по способу зеркального отражения, организованный вокруг возрастающих различий и т.д. Вот почему эта промежуточная область в той мере, в какой она раскрывает способы бытия порядка, может рассматриваться как наиболее основополагающая, т.е. как предшествующая словам, восприятиям и жестам, предназначенным в этом случае для ее выражения с большей или меньшей точностью или успехом (поэтому эта практика порядка в своей первичной и нерасчленяемой сути всегда играет критическую роль), как более прочная, более архаичная, менее сомнительная и всегда более «истинная», чем теории, пытающиеся дать им ясную форму, всестороннее применение или философскую мотивировку. Итак, в каждой культуре между использованием того, что можно было бы назвать упорядочивающими кодами, и размышлениями о порядке располагается чистая практика порядка и способов его бытия [4, с. 33–34].

Областью чистой практики порядка и его способов бытия для созерцательного познания интеллекта становится мировоззренческий (политический) текст, созданный в контексте локальной (региональной) культуры. В нем осуществляется «пересказывание» (парафраза), переложение смысла современной истории: познание знания незнаемого [9].

Политический текст, будучи целевым репрезентантом ситуации общения [10] и сферы непосредственных, самоочевидных фактов, т.е. мира жизни [11], актуализирует особые свойства языка как системы выразительных знаков, функция которых состоит в представлении предметов, вещей, событий в модусе самоосуществления [12].

Событие в модусе самоосуществления фиксирует идеальность качественной определенности материального объекта и действительности, отображающей ее замкнутость и целостность [13]. Качественная определенность материального объекта со стороны его целостности и замкнутости закрепляет подмножество свойств объекта – одно из двух подмножеств, на которые разбивается бесконечное

множество свойств, присущих любому материальному объекту. Событие в модусе самоосуществления эксплицирует одно из множеств – то, которое «должно быть конечным и при этом выражать или представлять качественную определенность соответствующего объекта, хотя бы в общих чертах» [13, с. 77].

Качественно определенный объект (событие в модусе самоосуществления), с позиций стоиков, представляет собой срез фактов, утверждает Ж. Делез [14], «резвящихся» на поверхности бытия и образующих бесконечное множество бестелесных сущностей – эффектов, которым нельзя дать какой-либо статус среди того, что обладает бытием. Событие-эффект как способ бытия, или форма жизни, задает конструктивную семантическую базу политического текста.

Рефлексивность знания, лежащая в основе создания локального политического текста, предполагает актуализацию познавательной активности авторов текста, что влечет за собой осознание уникальной индивидуальности политического текста (искусственно созданного языкового объекта), представляющего комплекс взаимосвязанных компонентов, детерминирующих коммуникативное поведение индивидов в правовом пространстве территориально ограниченного локуса.

Дефиниционными чертами локального политического текста как результата искусственной языковой деятельности являются его эстетические свойства (качества и ценности), которые могут быть познаны путем непосредственного (специфически эстетического) восприятия [15–16] – созерцательного познания посредством наблюдения «реальности понятия» [17]. Основной ценностью искусственного объекта признается его эстетическая ценность, состоящая в способности возбуждения эстетического переживания (опыта), которое выступает в качестве главной меры и критерия ценности созданного объекта, а также единственным обоснованием высказываемых о нем оценивающих суждений [18].

Локальный политический текст воссоздает идеальность качественной определенности социальной действительности в виде события-эффекта – логического и диалектического атрибута эстетического объекта (например, АЛТАЙСКИЙ КРАЙ, БАРНАУЛ), которое всегда двойственно и исполняет функцию квазипричины и вступает в квазипричинные отношения при реконструкции в политическом тексте локальных форм жизни.

Деятельность по созданию эстетического объекта осуществляет адекватную связь меж-

ду локальными формами жизни и формами конструктивно-вербального выражения. Подобный тип деятельности, способствуя удовлетворению эстетического интереса населения, проживающего на определенной территории, отождествим с текстовой деятельностью, «в ходе которой люди, оперируя знаками низшего уровня (стандартами, атрибутами общения, диалогемами, звеньями коммуникации, диалогами), порождают знаки более высокого уровня, суперзнаки – тексты» [19, с. 53].

Локальный политический текст представляет собой секвенцию текстов, основанием для объединения которых признаются следующие условия: 1) принадлежность к одному и тому же печатному органу массовой информации; 2) вербально-семантическое конструирование в пределах текста единого эстетического объекта (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ); 3) удовлетворение эстетического интереса через обеспечение эстетического переживания (ЗАКОНЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ); 4) способы возбуждения переживания эстетического характера и упорядочение условий, приписываемых классу или типу локальных жизненных императивов (ПРИНЯТЬ, НАПРАВИТЬ, ПРЕДЛОЖИТЬ, КОНТРОЛЬ); 5) методическая система приобретения (накапливания) эстетического опыта – логико-метафизическая (ПОРЯДОК – ПРИРОДА).

Особенности логического построения локального политического текста позволяют дифференцировать его как эпихейрему – сложно-сокращенный силлогизм, в котором посылки являются энтимемами, фиксирующими «этовость» населения, проживающего на территории Алтайского края. Под «этовостью» имеется в виду некий внутренний принцип, непосредственно связывающий, притягивающий прежде всего свойство к бытию и носящий название индивидуального различия [20]. Самым высоким предметом является бытие, заявленное эстетическим объектом – Алтайский край, мыслимое сущее локального ума. Формальное (специфически формальное, индивидуально формальное) свойственно каждому индивиду в его определенности [20], так же, как и населению региона в его качественной «этовости» как единичности.

Составляющие эпихейремы – энтимемы (сокращенные силлогизмы, сжимающие доказательство в одно предложение, тем самым имеющие преимущество в силе и выразительности перед силлогизмом) – представляют собой вероятностные утверждения, в которых толкование события предполагает возможность различных выводов [21]. Структурно энтимема

представлена двумя компонентами (постановление и закон Алтайского края), организующими методическую систему накопления и обретения локального эстетического опыта метафизического типа. «Метафизика (*meta physica*), или первая философия (*philosophia prima*), рассматривает сущее (*êms*) под углом зрения абсолютного разума – в ней сущее фигурирует, взятое как таковое» [20, с. 170]. Сущее – политическая власть, заданная через систему естественных и государственных законов – условий, на основании которых заключается договор между государством (государем) и народом [22].

Общие условия заключения договора, представленные в локальном политическом тексте, следующие: 1) всестороннее общественное обсуждение; 2) работа; 3) конкретный срок действия (до истечения срока, не позднее, до); 4) образование в локусе; 5) минимальные размеры оплаты труда в локальной экономической системе.

Заключаемый договор есть совокупность оптимальных условий, которые имеют место тогда, когда предмет (политическая власть) воспринимается правильно и полностью, что способствует достижению высшей степени удовольствия [15]. «Произведение искусства приносит нам то особое наслаждение, которое мы называем эстетическим, потому что нам *кажется*, что нам открывается внутренняя жизнь вещей, их осуществляющаяся реальность, – и рядом с этим все сведения, доставленные наукой, кажутся только схемами, далекими аллюзиями, тенями и символами» [12, с. 103].

Высшая степень удовольствия детерминирует величину эстетической ценности, связанной с культурными императивами (истина, доброта, красота) [12], которые представляют функции локального разума, определяющие принципы создания эстетического объекта – произведения искусства регионального разума. «X есть произведение искусства тогда и только тогда, если: 1) X есть артефакт; 2) X обсуждается, таким образом, что информация, касающаяся истории создания X, направляет внимание воспринимающего на свойства, считающиеся заслуживающими внимания и осознания внутри культурных эстетических традиций (истории, теории, критики)» [23, с. 275–276].

Артефакт характеризуется как событие или объект, который создает или обеспечивает новое обрамление / качество человеческой деятельности, повторяемой, сохраняемой, накапливаемой.

Создание эстетического объекта-артефакта предопределяется параметрами эстетической оценки, в которой осуществляется локальная адаптация эстетических ценностей, связанных с культурными императивами – кодификаторами традиции.

Эстетическая оценка как локальная характеристика переживаний и осознания эстетических ценностей в политическом тексте актуализируется серией текстовых единиц: *творческий вклад, административные функции, область науки и техники, вознаграждение, председатель законодательного собрания, глава администрации.*

Эстетические ценности, которые считаются достойными внимания и осознания, внутренне присущие эстетическому объекту [24] и маркирующие локальные традиции и соответственно локальную когнитивную культуру, фиксируются атрибутами: *научный, технический, опытно-конструкторский, сельскохозяйственный, рациональный, практический, природный, реализованный.*

Три качества создают эстетический объект (артефакт) – единство, сложность, интенсивность [15]. В локальном политическом тексте они вербально реконструируются: единство – экономика; сложность – распределение, ставки, премии, экономическая зона; интенсивность – поквартальный, свободный, игорный, краевой.

Качество единства разветвленно представлено перцептуальными свойствами локального типа: *председатель законодательного собрания, глава администрации, закон, постановление о законе.* «Локальные качества – это качественные характеристики простых и элементарных (далее неделимых) частей каждого из предметов... Без этих качественных характеристик эти элементарные части не могли бы быть воспринимаемыми» [25, с. 136].

Качество сложности артефакта распространено специфическими перцептуальными свойствами регионального типа: *приборы, оборудование, материалы, вещества, высококачественные учебники.* «Региональные же качества (иначе говоря, комплексные качества) – это качественные характеристики неких целостностей, которые явились результатом взаимных соотношений между их частями» [25, с. 136].

Сочетание локальных и региональных эстетических качеств объекта задает параметры оптимального состояния региона. Оптимальное состояние связано с принципом поиска противоположностей – максимального и минимального значения системы [13] эстетических ценностей, определяемых как возможнос-

ти (способности) предмета обеспечивать эстетическое удовольствие в оптимальных условиях [15]. «Эстетическое удовольствие является родом удовольствия, которое получаем от восприятия качественно разнообразных сегментов феноменологического поля, настолько, насколько различимые части являются объединяемыми в некоторую целостность, которая имеет свой характер (то есть региональные качества)» [15, с. 42].

Достижение оптимального состояния возможно при помощи экстремальных методов – *новые технологии, новые методики обучения, региональный компонент государственного образовательного стандарта*. Экстремальные методы содействуют реализации в региональной деятельности жизненного императива «наслаждение» при конструировании теоретической жизни (математической формы жизни) – бытия объекта (Алтайский край) в себе, абстрагировании его от конкретной жизни; занятии, состоящем в том, «чтобы не жить существованием этой и другой вещи, в том, чтобы полагать ее отдельно от меня» [12, с. 182].

Качество интенсивности артефакта предполагает кодификацию в выражении культурных императивов (истина, доброта, красота) в плане установления адекватного соответствия между формой региональной жизни и смыслом региональных функций. Кодификаторы интенсивности (или истины) региональных эстетических ценностей (*включить, заменить, считать, изложить, дополнить*) осуществляют инструментальную функцию по отношению к человеческой жизни, не способствуя внутренней интеграции эстетического опыта и гармонизации отношений человека со средой [15].

Созданный артефакт – политический текст – несет в себе как произведение искусства осознание внутрикультурных эстетических традиций: истории, теории, критики. Региональная теория представляет собой гедонистическую разновидность антропологического натурализма, разрабатывающего проблемы философии в смысле непонимания и искусства жить. Основная проблема региональной натурфилософии – уяснение положения человека в мироздании, аналогизированном с государством; разрешение ее возможно через изменение всего мироздания. «Фантастические порывы возбужденного времени исходили из высокой идеи – идеи господства над природой посредством изучения деятельных сил в ней. Стремления направляются к подчинению внутренних сил природы человеческому знанию извне» [3, с. 315].

Теоретическая форма жизни, конструируемая на основе региональной натурфилософии, определяется как свободная экономическая зона. Теоретическая форма жизни, будучи универсальным методом описания и отражая универсальные аспекты материального мира, не допускает сосредоточения на предмете (главная черта эстетического опыта), предполагающего концентрацию на феноменально объективных чертах (качествах и отношениях) воспринимаемого или воображаемого семантического поля [15].

Универсальные методы описания являются основанием для постижения математического смысла мироустройства, зиждящегося на доказательстве фактов. Резолютивный метод регионального фактологического обоснования социального мироздания должен привести к единому принципу наивысшей и абсолютной достоверности, из которого по композитивному (синтетическому) методу должна быть объяснена вся совокупность «опытов» [3, с. 329]. Подобное требование коренится в пресыщении традиционным усвоением исторически накопившегося знания и в назревшей потребности в новой и цельной, законченной философской системе [3], предпосылкой к формированию которой является процедура «критики». Критика в региональном политическом тексте есть ценный эффект эстетического опыта, открывающий инструментальность региональных эстетических ценностей, способствующих внутренней интеграции населения региона (жителя региона) с политической властью региона, отождествляемой с оптимальным состоянием пребывания в социальной среде. Эстетический опыт, приобретаемый в таком оптимальном состоянии, является активным открытием, своего рода приятным возбуждением «от видения связей между чувственными ощущениями, значениями и достигнутым пониманием» [15, с. 299]. Кроме того, эстетический опыт отличается равновесием импульсов, ощущением полноты, завершенности, рождает эффект изоляции нового опыта от внешних и чуждых факторов, выделения его из общей струи жизненных переживаний [15].

Эстетический опыт характеризуется семью положительными эффектами:

- 1) разряжает стрессы и успокаивает деструктивные импульсы;
- 2) разрешает мелкие конфликты человеческой психики и помогает интегрировать и гармонизировать ее;
- 3) совершенствует и уточняет способности человеческого восприятия и различения чувственных качеств;

4) развивает воображение человека и способность поставить себя на место других;

5) оказывает специфическое терапевтическое и профилактическое воздействие на психику потребителей искусства;

6) развивает взаимную симпатию и понимание других культур; предлагает идеал человеческой жизни [15, с. 574–576].

Эстетический опыт, представленный в региональном политическом тексте, можно охарактеризовать как региональную эпистему [26], в которой заявлены возможности образований сознания и культуры региона в конкретный исторический период. «Материальным носителем» эстетического опыта – текстовой эпистемой – является энтимема, в которой задан масштаб для образования региона как самостоятельной сущности и отдельного субъекта региона (государство – регион – индивид). «Индивидуальная природа» [20] формируется через обособление, конкретизацию, жизненный императив, что задается в первой посылке энтимемы регионального политического текста («постановление»). Подтверждение масштаба индивидуальной природы осуществляется с помощью категоризации, что предполагает установление сходства рассматриваемого объекта с другими объектами мира истинных сущностей [17], культурных императивов. Тем самым региональный политический текст для обоснования региональной социальной теории использует два типа аргументации – логический (жизненные императивы) и риторический (культурные императивы), положенные в основу методической региональной системы приобретения опыта эстетического порядка.

Региональный политический текст, таким образом, представляет отражательную способность населения региона, связанную с интеллектуальным духом, интерпретирующим акцидентную форму активности социальной материи, от которой зависит импульс продвижения, т.е. деятельный признак государства. Региональный политический текст конструирует теоретическую, созерцательную форму жизни, базирующуюся на относительно адекватном знании, содержание которого частично соответствует действительности (жизненная ситуация определяется как виртуальная). Модус регионального бытия (и соответственный опыт, на основе которого создается форма жизни региона) следует определить как элоквенциональный (эстетический).

Эстетический модус бытия отражает степень освоения человеком среды обитания и предполагает соответствующий тип коммуни-

кативного поведения и использования языковых средств. Коммуникативные обстоятельства требуют трансформации одного и того же понятийного объема в разные сегменты пространства содержания культуры, к которым следует отнести и политическую сферу жизнедеятельности коммуникативного сообщества. Региональный политический текст представляет собой особую культурную форму, наиболее полное прочтение которой, как и других типов культурных форм (любых типов произведений и текстов), возможно в естественном культурном контексте, где она обретает свою рефлексивную наполненность. Культурная рефлексия – это состояние сознания, характеризующегося единством, ориентированное на переосмысление состоявшихся культурных актов и своего культурного опыта в поисках новых парадигм развития культуры и собственного культурного роста [28–30]. Культурная рефлексия выступает как форма познания, источник нового знания, трансформирующий язык коммуникации (общения) в язык культуры. Освоение языка культуры – ключевой момент социальной аккультурации в современной языковой культуре, представляющей собой процесс непосредственных контактов и взаимовлияний различных социокультурных систем, влекущий за собой изменение материальной культуры, обычаев и верований [31].

Аккультурация предполагает возникновение определенной культурной рефлексии, зафиксированной в языке культуры. Язык культуры отождествляется со знаковой системой, которая понимается как совокупность знаков, служит для осуществления индивидуальных и коллективных трансляционных процессов.

Трансляционные процессы конструируют «языковую среду», включающую в себя разнообразные социально-бытовые факторы, фиксирующие образ мышления, созерцательное познание интеллекта каждого отдельного индивида. Языковая среда обуславливает контекстуальную изменчивость культуры и переживания душевной связи, что приводит в действие «смысл истории» через актуализацию различных измерений значения (смысла) слова во фразе [32]. Измерения смысла слова зависят от особенностей ментальных схем – элементов опыта, отображающих познанную сущность объектов, действий, процессов, событий в определенном социокультурном пространстве [10]. «Включение» ментальных схем в среде обитания человека осуществляется с помощью процедурной информации, оформленной и организованной языковыми средствами

культурной рефлексии – сценариями. Схема сценария представляет собой ориентиры доступа во времени и пространстве к структурам знаний, хранящимся в семантической памяти.

По схеме сценария может быть построена методика анализа открытого произведения, к которым ранее мы причислили рекламное сообщение. В качестве подобной методики нами предлагается методика трансформации языка общения (коммуникации) в язык культуры, включающая следующие этапы информационного расслоения текста / произведения: 1) характеристика языковой среды – описание социально-бытовых факторов, фиксирующих образ мышления; 2) описание процедурной информации – выделение сценариев в тексте, или простейших понятийных структур, поставляющих контекстные знания; 3) реконструкция способов отображения познанной сущности объектов, действий (воспроизведение ментальных схем); 4) воссоздание естественного культурного контекста – символическо-смысловой и нормативно-релятивной организации совокупности представлений относительно воспринимаемой реальности; 5) формирование рациональной логической базы языка текста – выявление текстовых оснований для упорядочения среды бытования языка; 6) дифференциация пространства культуры и функционирующей в нем формы языка – языка культуры. Подобная методика, на наш взгляд, позволяет ограничить (выявить пределы) «промежуточной области» (М. Фуко), в которой обнаруживается чистая практика порядка и его способы бытия, практика организации опыта переживания душевной связи. Результаты наблюдения за языком культуры и состоянием культуры, полученные на основе применения данной методики, классифицируются, в соответствии с концепцией Райла-Гирца [33], как «насыщенное описание» (thick description): «Приступая к насыщенному описанию, идущему дальше очевидного и заметного с первого взгляда, от первоначального замешательства к тому, чтобы разобраться, в чем все-таки дело, и встать на твердую почву, исследователь не чувствует себя (не должен, по крайней мере) интеллектуально безоружным. Теоретические идеи в каждом новом исследовании не вырабатываются абсолютно заново, они <...> заимствуются из других, сходных исследований, совершенствуются и применяются для интерпретации новых проблем, если они оказываются неспособными решать новые проблемы, то их перестают использовать, и постепенно они совсем выходят из

употребления. Если они продолжают быть полезными, высвечивают новые грани понимания, то их все более совершенствуют и продолжают использовать.

Подобный взгляд на функцию теории в интерпретативной науке (т.е. занятой поисками значений) предполагает, что различие, существующее, хоть и всегда относительное, в экспериментальных науках между «описанием» и «объяснением», в нашем случае предстает в качестве еще более относительного между «записыванием» (насыщенным «описанием») и «спецификацией» («диагнозом») – между определением значений, которые имеют определенные социальные действия для самих действующих лиц, и констатацией, как можно более развернутой, того, что дает нам почерпнутое таким образом знание об обществе, в котором оно почерпнуто, и об общественной жизни» [33, с. 133–134].

Предлагаемая методика трансформации должна определяться как методика прочтения текста в качестве культурной формы, призванная восстановить «единство сознания» в местах аллопных разрывов, основываясь на общей семантике языка, внутри которой функционирует текст, и на эпистемологических предпосылках, свойственных современной исторической ситуации.

«В истории ежеминутно присутствует природа. Она – та реальность, которая является основой истории, нечто повторяющееся, длящееся, лишь очень медленно – как это всегда свойственно природе – меняющееся. Там же, где появляется дух, вступает в силу сознание, рефлексия, неудержимое движение в работе с собой, над собой в недоступной завершению открытости возможного» [34, с. 251]. Система духовных сил обнаруживается только в природном сознании, апеллирующем к знанию естественному, и восстанавливает естественное восприятие человеком природной сферы, для которой важны рациональный и природный элементы, актуальное и феноменальное бытие предмета, его проявление или бытие для другого [35]. Постигание духовного уклада создает предпосылки для характеристики общности в эволюционной форме «народ» – исторической категории, отражающей специфические черты системы духовных сил, определяющих настоящие переживания душевной связи, впечатления и реакции индивида как носителя духовной коллективности [36].

Величина измерения духовного уклада народа в его переживании «народности», «национальности» есть локальная дискурсивная мысль.

Дискурсивная мысль, в соответствии с концепцией Е.Н. Трубецкого [37], представляет собой проверку, осознание интуиции, осознание ее содержания, вычленения некоторого критерия познания, освобождение интуиции от всяких посторонних примесей через определенные понятия, сопоставление с предложенным (избранным) критерием.

Главное в дискурсивной локальной мысли – определенные понятия и критерии познания, выработанные в пределах конкретной территории, составляющие основу системы духовных сил проживающего на конкретной территории народа. Дискурсивная мысль представляет собой единицу алгоритмического языка, предназначенного для записи процедуры работы с величинами: сознание, знание, уверенность. Подобный язык основан на матричном алфавите иконических знаков модуляции пространства внешнего мира [38].

Матричный алфавит иконических знаков модуляции пространства (основа дедуктивного рационализма территории) следует составлять на базе вербальных текстов, фиксирующих переживание душевной связи (в частности, на базе мировоззренческих текстов), которые закрепляют объектированное содержание – социальное переживание, согласующее уровень знания в определенный исторический момент и уверенность народа в собственной идентичности и самобытной достаточности. Социальное переживание рассматривается как второй порядок значений, формирующих бытие народа [36]. «В силу особенностей этого вида коллективности, мы не можем иначе их фиксировать, как только связывая их с разветвляющимися перед переживающими событиями, соотнося их с последними. Вот почему здесь и получается группировка содержания под «объективными» заголовками: язык, миф, рыцарство, эпоха Возрождения, война и тому подобное. Эти заголовки суть указания на «идеи», объединяющие не только «объектированное» содержание, но и психологическую реакцию на него. Это суть истинные и действительные единства коллективной душевной жизни, а отнюдь

не сходство психологических организмов и групп населения» [36, с. 564].

Вербальные тексты представляют объектированное содержание – результаты «предметного познания», удостоверяющего объективное бытие предмета, убеждающего в существовании внешнего: в подобном случае изображение запечатлевает единый образ внешнего в его изменчивых состояниях. На наш взгляд, «насыщенное описание» следует также причислить к текстам подобного рода, поскольку в них представлена матрица наблюдения за современной языковой культурой, т.е. осуществляется исторический анализ дискурса. Исторический анализ дискурса, в соответствии с концепцией М. Фуко, направлен на то, чтобы выяснить: 1) почему участвующие в дискурсивной практике индивиды, будучи ограничены рамками своего знания, в свое время не могли думать, говорить иначе, чем они это делали; 2) благодаря каким предпосылкам стало возможным появление новых идей, новых тем; 3) какие условия воспрепятствовали развитию иных взглядов [26]. Высказывание в таком случае – это не вербальное высказывание, не лингвистически определенная последовательность знаков, а сегмент человеческого знания, его структурная часть, и одновременно сегмент соответствующей дискурсивной практики. Дискурс же – это множество высказываний, принадлежащих одной формации; место возникновения понятий, существо дискурсивной формации определяют правила, условия, возможности соединения высказываний между собой в единую когнитивную систему [39]. Отсюда дискурсивная формация может быть охарактеризована как сеть когнитивных отношений между понятиями, теориями, высказываниями, т.е. между всем тем, что имеет ценность (значимо) для возникновения определенного (данного) знания. Мы имеем все основания завершить запись своих наблюдений за состоянием современной языковой культуры предположением о существовании локальной дискурсивной формации – промежуточной области, раскрывающей порядок в самой его сути.

Литература

1. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Л., 1970.
2. Дильтей В. Описательная психология. М., 1996.
3. Виндельбанд В. История философии. М., 1997.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1988.
5. Аверинцев А.А. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
6. Steward J.H. Theory of Culture Change. Urbana, 1955.
7. Childe V.G. Social Evolution. N.Y., 1951.
8. Bennett W., Bird J. Indian Culture History. N.Y., 1960.
9. Trypanis C.A. Fourteen Early Byzantine Cantica. Wien, 1968.

10. Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1. М., 1988.
11. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. М., 1994.
12. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М., 1991.
13. Ахмебинский Б.В., Храменко Н.И. Теория качества в науке и практике. Л., 1989.
14. Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995.
15. Beardsley T.C. The Aesthetic Point of View. Selected Essays. Ithaca, 1982.
16. Lars-Olof Ahlberg. The Nature and Limits of Analytic Aesthetics // British Journal of Aesthetics. Vol. 33. №1.
17. Уемов Л.И. Выводы из понятий // Логико-грамматические очерки. М., 1961.
18. Shusterman R. Analytic Aesthetics. Oxford, 1989.
19. Бражников Б.Х. Культура общения и семиозис // Этнознаковые функции культуры. М., 1991.
20. Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
21. Billing M. Arguing and Inhinszing: A Rhetoric Approach to Social Psychology. Cambridge, 1987.
22. Дидро Д. Политическая власть // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М., 1994.
23. Итон М. Искусство и неискусство // Американская философия искусства. Екатеринбург, 1997.
24. Дики Дж. Определяя искусство // Американская философия искусства. Екатеринбург, 1997.
25. Дземидок Б. Эстетический перцептуализм – эмпирическое направление в американской аналитической философии искусства // Американская философия искусства. Екатеринбург, 1997.
26. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
27. Платон. Диалоги. М., 1986.
28. Гете И. Максимумы и рефлексия // Избранные философские произведения. М., 1964.
29. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
30. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994.
31. Бахта В.М. Проблемы аккультурации в современной этнографической литературе США // Современная американская этнография. М., 1963.
32. Рарти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
33. Gitrtz C. The Interpretation of Culture. N.Y. // Basic books, 1973.
34. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
35. Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1910. Т. 2.
36. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1990.
37. Трубецкой Е.Н. Метафорические преодоления познания, опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917.
38. Гройсман А.Л. Личность, творчество, регуляция состояний. М., 1998.
39. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.